

ПОСТИЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

ОБРАЗЫ, РОЖДЕННЫЕ ЭПОХОЙ

ВОТ И НАСТУПИЛ великий наш праздник. И мы снова возвращаемся мысленно к тем первым дням нашей жизни и нашей истории, чтобы еще раз сверить по ним биение наших сердец. Сколько помню себя, с самых ранних лет, никогда я не воспринимал революцию, как нечто, что было когда-то давно. У нас с великой революцией одна родина, город добрый и строгий, город чистых помыслов и необыкновенной красоты. Духом революционной романтики напоен сам воздух Ленинграда. Улицы его и площади — арена революции. А участники революции — те люди, которые живут в нашем доме, и в доме рядом, и в доме напротив, и на соседней улице, и в соседнем районе. Все в нем с малых лет вводило в конкретность революции.

Помню, не как факт искусства, а как факт жизни восприняла я первые фильмы Ленинианы — «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году». В реальном, хорошо знакомом Смольном жил и работал живой Ленин, и мне было радостно оттого, что я видела его жизнь и работу и вместе с ним шел сквозь революцию. Лишь спустя время я примирилась с мыслью, что это были художественные фильмы, что образ Ленина — вершина творчества великого артиста Бориса Щукина, что я была потрясена искусством, а, казалось, — жизнью. Эти фильмы и по сей пору я называю художественными с большой буквы и всякий раз счастлива, если удается их посмотреть. Дело в том, что постижение, осмысление революции, lika ее и сердца начинается признанием дорогих черт ленинского лица. Мне представляется, что обращение к ленинской теме следует соотносить с ленинским требованием «лучше меньше, да лучше» и разрешать себе право на это, лишь чувствуя исключительную художественную, творческую силу. Чтобы этот фильм посмотрели взрослые, а потом взяли с собой детей, уверенные, что ни один урок — родительский и учительский — не сравнится с уроком верности и правды, преподаанным искусством. Я, наверно, очень многого требую, но ведь искусство достойно того, чтобы от него требовали много.

Для меня самого вхождение в мир прекрасного началось с революционных фильмов. Не будь их, я, наверно, стал бы другим человеком, избрал бы другую профессию, и вся моя жизнь могла бы сложиться совсем не так, как оно вышло на самом деле. Людям моего поколения трудно рассуждать о театре дореволюционной России. Однако театр — живой организм, и, став человеком театра через десятилетия после революции, понимаешь сразу, насколько она преобразила русскую сцену. Вместе с новым человеком сюда пришла новая

мысль, удивительно ясная, точная и удивительно деятельная. Эта мысль сразу толкнула театр в самую гущу жизни, в ядро непростой ее крутоверти. Актер и зритель заговорили о том, что дорого, что волнует их обоих. Правильно, никогда еще история сцены не знала такого благодарного, такого жадного к просвещению, к духовному общению зрителя. Но самой, высокой похвалы заслужил и театр, ибо в короткое время он вырос интеллектуально, окреп духовно. Сбылась давняя мечта лучших умов России, театр стал учебником жизни.

И в этой обстановке поставленный Юрьевым в петроградском цирке «Царь Эдип» вдруг зазвучал революционным набатом! И чеховская грусть, и сарказм Горького, и энциклопедия нравов великого нашего бытописателя Островского обрели своего зрителя. Все великое и прекрасное, что было создано человечеством за долгую историю и что веками дремало в ожидании своего часа, теперь оказалось современным и своевременным, ибо разбуженная революцией душа народа жаждала познания, как путник в пустыне жаждет питья.

Никогда ни одна общественная формация не брала на себя обязанность такого широкого и одновременно глубокого просветительства. Не потому ли уже первые опыты советской драматургии оказались весьма любопытными. Не потому ли уже спустя какой-нибудь десяток лет советское искусство готово было к тому, чтобы потрясти мир.

Моя первая профессиональная встреча с человеком революции состоялась в фильме «Любовь Яровая». Я и до сих пор считаю, что был не самым подходящим актером на роль Шванди: нет во мне той деревенской простоты, деревенской наивной открытости, которые составляют не только секрет обаяния этого героя, отправную точку движения характера. Роль Шванди сложна, и на театральных подмостках ее играли, как правило, актеры возрастом за сорок, с определившейся глубиной мастерства. Мне предстояло снять с него колпак традиционного балагура и простака и сыграть человека, который станет героем потом, за рамками рассказанной драмы.

Не мне судить, что получилось. Одно могу сказать: я видел главное — его преданность революции, его искреннюю и бурную влюбленность в уже состоявшегося героя матроса Копкина.

Потом быта у меня в нашем театре спектакли «Грозовой год» и «Суровое счастье», где я играл рядом с Черкасовым и Скоробогатовым и видел замечательный пример актерской собранности и самостоятельности в работе над образом Ленина Владимира Ивановича Честнокова. Наконец, была в моей судьбе

незабываемая «Оптимистическая»...

Эта постановка — экзамен для любой труппы. Сдавал экзамен и театр Пушкина, и я вместе с ним, готовя роль Алексея. Постановщик спектакля Г. А. Товстоногов видел Алексея нервным, мятущимся, думающим интеллектуалом. В процессе работы в образе высвечивались и душевный поиск истины, и гамлетовская обостренная глубина. Заметьте, гамлетовская глубина, а ведь пьеса была создана Всеволодом Вишневским в пору первой молодости советской драматургии...

И вот проходят годы, а я этими ролями продолжаю мерить степень нужности того героя, в чьем облике я выхожу на сцену сегодня. И разве только я? В театре всегда важна не тема как таковая, во главу угла всегда ставится вопрос: чему она служит. В последние годы широко пошли спектакли, которые стали называть «производственными». Название не исчерпывающее, но довольно точное. Если же сказать определеннее, их тема — человек в деле, отношение его к делу и к людям, с которыми оно, дело, — общее.

Много лет на нашей сцене шел спектакль «Дело, которому ты служишь». Постоянный, долгий его успех мне видится в том, что в нем очень ясно обозначен главный смысл нашей жизни — найти то поприще, где ты наиболее полно сможешь быть полезен Родине, партии, народу. Разве не эту пользу видели великие реалисты — дорогие нашему сердцу люди революции? Разве не она составляла суровые будни героев «Оптимистической трагедии» и «Любови Яровой», «Штурма» и «Разлома»? Советский театр и сегодня стоит на тех же позициях, он только, выражаясь языком фронта, сменил дислокацию. И мне кажется, образ директора фабрики в нашем сегодняшнем спектакле «Из жизни деловой женщины» — прямое продолжение образа комиссара «Оптимистической». Та же душевная чистота, те же прекрасные черты...

Наш театр уже в конце двадцатых годов обратился к современной теме, и сегодня круг его поисков — духовность и нравственность нашего современника. Сиюминутный, узнаваемый, правдивый по существу герой, ведущий свою эмоциональную жизнь в кругу острых проблем современности, — в этом русле наш театр стремится вести свой разговор со зрителем. В этом мы видим и преемственность, и верность театра революции.

И. ГОРБАЧЕВ,
народный артист СССР,
художественный руководитель
Ленинградского
академического театра
драмы имени А. С. Пушкина.